

Государи Московские

МЛАДШИЙ СЫН
ВЕЛИКИЙ СТОЛ
БРЕМЯ ВЛАСТИ
СИМЕОН ГОРДЫЙ
ВЕТЕР ВРЕМЕНИ
ОТРЕЧЕНИЕ
СВЯТАЯ РУСЬ
ВОЛЯ И ВЛАСТЬ
ЮРИЙ

ГОСПОДИН ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД
МАРФА-ПОСАДНИЦА
ПОХВАЛА СЕРГИЮ

Дмитрий Балашов

ПОХВАЛА СЕРГИЮ

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
Б 20

Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки Вадима Пожидаева-мл.

Балашов Д.
Б 20 Похвала Сергию : роман / Дмитрий Балашов. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2025. — 928 с. — (Русская литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-29509-4

Роман «Похвала Сергию» посвящен грандиозной фигуре преподобного Сергия Радонежского — подвижника, чудотворца, уже при жизни почитавшегося наравне со святыми, а также исторического деятеля, благословившего князя Дмитрия Донского на битву на Куликовом поле. Писатель и историк Дмитрий Михайлович Балашов, автор знаменитого исторического цикла «Государи Московские», неоднократно обращался к личности отца Сергия, в равной степени значительной как для духовной, так и для светской, политической истории Российского государства.

В романе «Похвала Сергию» автор создает объемный и яркий образ мира XIV века, на фоне которого произошло становление и свершались духовные подвиги Сергия Радонежского — человека, с одной стороны, исключительно выдающегося, с другой — плоть от плоти той трудной и героической эпохи.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-445

ISBN 978-5-389-29509-4

© Д. М. Балашов (наследники), 1991
© Оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2025
Издательство Азбука®

ОТ АВТОРА

Книга о Сергии Радонежском, иноке, позже игумене, сыне разорившейся, «оскудевшей», как говорилось встарь, семьи ростовских бояр, в задуманную мною серию «Государей Московских» как бы и не вмещается, однако примыкает к ней самым тесным образом. Дело в том, что события зримые совершаются не сами собою, а всегда и везде под воздействием невидимых внешне, духовных («идеологических», как сказали бы мы) устремлений. И ростовчанин Варфоломей Кириллович, в монашестве Сергий, оказался волею судеб центральной фигурой того мощного духовного движения, которое привело Владимирскую Русь на Куликово поле и создало новое государство, Русь Московскую, на развалинах разорванной, захваченной татарами и Литвой, давно померкшей золотой Киевской Руси. И когда мы оглядываемся теперь на то, чем мы были и как и когда появились на свет, неизбежно являются взору сперва — весь великий и трагический четырнадцатый век, потом, как острие копья или как гребень волны, — Куликово поле, и затем среди тьмочисленных лиц тогдашних деятелей высветляется, словно слепительная точка на острие копья, одно лицо или, вернее сказать, лик, один человек — Сергий Радонежский.

Еще и то надо сказать, что жизнь Сергия-Варфоломея не укладывается ни в одну из княжеских биографий, ибо в пору его сознательной жизни, в пору, когда он начинал уже влиять на судьбы страны, княжили подряд три московских «государя»: Симеон Иванович Гордый, Иван Иванович, его брат, и сын последнего, Дмитрий Иванович Донской. По всем этим причинам я и почел необходимым написать о Сергии особо, ибо фигура его и «подвиги» сохраняют учительное значение доныне и будут сохранять впредь, пока не исчезнет сам русский народ.

Первая часть романа, повествующая о детстве и юности Сергия (до его ухода в монастырь), была издана отдельно и заслужила благожелательные отзывы.

Решаясь на продолжение работы, я обязан сразу оговориться, что не имею ни права, ни возможности, ни даже желания соревноваться с авторами житий, как первого, основного, написанного гениальным Епифанием¹, так и полного, вместившего все известные факты жизни Сергия, жития, созданного архимандритом Никоном уже в конце XIX столетия. Духовную суть жизни и подвигов Сергия я, разумеется, передать не способен, но деятельность Сергия могущественно повлияла на события политической истории конца XIV столетия, и вот этого, политического аспекта жизни нашего величайшего святого в писанных житиях, естественно, недостает, вернее, он намечен там, как и прочие внешние и светские события, лишь пунктирно, что для собственно житийной литературы, разумеется, отнюдь не недостаток. Но современному читателю, мыслю, земная стезя Сергия на фоне событий своего времени далеко не безразлична, и потребность в таком вот романе (в значительной степени вместившем уже написанные и включенные в цикл «Государей» главы о Сергии), как мне кажется, настоящая.

Заранее винясь в недостатке знаний литургии, богослужебного обихода и монашеской жизни, все же решаюсь явить сей труд на суд читательский, ну а о его результатах не автору судить!

---

¹ *Епифаний Премудрый* — монах Троице-Сергиевой лавры, автор «Жития Сергия Радонежского», написанного примерно через четверть века после смерти Сергия. — *Здесь и далее примеч. ред., если не указано иное.*

МОЛИТВА

Трудно приступить к книге всегда, но к этой трудно особенно. И не о том моя печаль, что не знаю многого, не знаю служб и обрядов так, как знали люди того времени, да и вообще не знаю! Не учили нас этому, и — чужое это для нас. До того чужое, словно с другой земли, от непонятного языка и народа неведомого. Как преодолеть расстояние лет и разноту учености теперешней и тогдашней? Как, в самом деле, понять, просто понять все это: и монастырское уединение, и пост, и воздержание плотское, и горную радость, в постах и воздержании обретаемую? И светлоту, паче всего светлоту, не унылость, не скорбь, а светлоту несказанную иноческого жития? Как тоску, как истязание, как угнетение телесное мы бы еще и поняли, но как понять радость совершенную, светлую радость тела и духа, отшельниками жизни сей достигаемую? Как понять парение мысли, и — нет, не мысли даже, а чего-то высшего мысли, что струилось окрест, на прочих, на простых людей (таких, наверно, каковы и мы сейчас) и согревало, и укрепляло, и подымало душевные силы всех этих прочих, «простецов», на подвиги и на труд ежедневный, на то, чтоб жить творя и не разувериться в жизни сей.

Как же мне постигнуть тебя, Сергей, отче! Дай, Господи, обрести силы для задуманного днесь труда! Это не предисловие, это молитва. Дай, Боже Господи, мне, человеку неверующей эпохи, описать человека верующего! Дай, Господи, мне, грешному и земному, описать человека неземного и безгрешного. Дай, Боже, совершиться чуду! Ибо это подлинное чудо: суметь описать человека, столь и во всем и по всему высшего, чем я сам, человека, на такой высоте стоящего, что и поглядеть на него раз — уже закружится голова.

Дай мне, Господи, поверить, а ведь я не верю, ничему не верю, что было с ним чудесного и чем он был сам. Не верю, но знаю,

МОЛИТВА

что был он, и был такой, и даже лучший, чем тот, что описан в «Житиях», ибо даже и в «Житиях» не видно его дел духовных, его непрестанных дум, не видно света, исходящего от него, а лишь то, что освещал он светом своим. Видны плоды произросшие, и не видно, не дано увидеть творения плодов.

Дай, Боже Господи, свершить невозможное! Дай прикоснуться благодати, дай прикоснуться хотя бы края одежды его! Ибо в нем — Свет, в нем — Вера, в нем и из него — моя Родина.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Варфоломей Кириллович (в иночестве Сергей) родился в Ростове, в боярской семье, с годами сильно обедневшей и перебравшейся в конце концов в пределы Московского княжества, в городок Радонеж.

О датах жизни Сергия-Варфоломея ученые спорят до сих пор.

Мы знаем год, месяц и число его смерти. Торжественная и скорбная эта дата — лета 1392-го, сентября в 25-й день — отмечена не только в житии, но и в государственных летописных сводах. Времени рождения Сергия первый биограф и младший современник его, Епифаний Премудрый, однако, не называет, сообщая только, что родился святой «в княжение великое тверского великого князя Димитрия Михайловича, при архиепископе преосвященном Петре, митрополите всея Руси, егда рать Ахмылова была». Не верить этому подробному свидетельству у нас нет оснований. Кстати, такие вот привязки — при ком, в какую пору какого события — помнятся лучше, чем собственно годы. Князь же Дмитрий Грозные Очи вокняжился в 1322 году (и убит в Орде в 1325), святой Петр умер в 1326 году, но Ахмылова рать — это 1322 год.

Жития сообщают и другие даты жизни Сергия, а именно, что прожил он 78 лет; что постригся 23 лет от роду, после старшего брата, Стефана; что Стефан вскоре поступил в столичный Богоявленский монастырь, где познакомился с будущим митрополитом Алексием, с которым вместе они пели на клиросе (с 1340 года Алексий назначен наместником митрополита Феогноста); что Сергей, наконец, постриг у себя в монастыре своего племянника, сына Стефанова, коему было всего десять-двенадцать лет от роду. (Зная, что рукоположен в священники и игумены монастыря Сергей был в 1353 году, можно утверждать, что совершилось это не ранее 1354 года.)

Нетрудно увидеть, что все эти данные противоречат друг другу, ибо от Ахмыловой рати до 1392 года прошло не 78, а 70 лет, и что ежели Стефан поступил в монастырь Богоявления в 1340 году (год назначения Алексия наместником, после чего Алексий, полагают исследователи, должен был обязательно переехать во Владимир), а монахом Стефан стал по крайней мере за год до этого, то сыну Стефанову в 1354 году не могло быть менее пятнадцати-шестнадцати лет.

Вот эти-то противоречия и смущают исследователей. Голубинский¹, например, считает годом рождения Сергия 1314-й. Другие дату рождения святого относят к 1318-му, к 1319-му или к 1320 году. (Последняя дата нынче возобладала как самая истинная.) Почему же точное указание «Жития» на Ахмылову рать и вокняжение Дмитрия Грозные Очи не принимается во внимание?

Смущает всех пресловутое утверждение, что в год смерти Сергия было 78 лет. (Кстати, неясно, принадлежит это указание Епифанию или позднему биографу святого, Пахомию Сербу².) Голубинский ничтоже сумняшеся так и расчел: $1392 - 78 = 1314$. Но что вернее? Память о страшной Ахмыловой рати, когда был спален дотла город Ярославль и та же участь угрожала Ростову, и ясное указание, что то было при княжении Дмитрия, или эта математическая выкладка от числа лет, сообщенного... кем? Ошибиться мог даже и сам Сергий: в старости часто путают свои годы, тем более — прочие. Стефан Кириллович мог и прибавить лет покойному младшему брату, чтобы хоть тем пояснить как-нибудь главенство его над собою, некогда вылившееся в ссору братьев, едва не ставшую роковой для Троицкой обители... Допустим, что Епифаний сам высчитывал, и составлял, и ошибался, — ошибся же он в определении патриаршества Каллиста! Но то — Царьград. Относительно княжения Дмитрия уже ошибиться было бы трудно, и вот почему: в 1314-м и вплоть до 1318 года княжил Михаил Тверской. Великий, святой, замученный в Орде и посмертно канонизированный князь, чтимый всюду, даже и на

¹ Голубинский Евгений Евстигнеевич (1834–1912) — историк церкви, академик Петербургской академии наук.

² Пахомий Серб (Пахомий Логофет, XV в.) — писатель XV в., серб по национальности, автор житий святых и богослужебных текстов и других религиозных и исторических сочинений.

Москве, вот уж тут ошибиться было бы никак нельзя! Но нет, не при Михаиле Святом, а при его сыне, Дмитрие! Так отпадает 1314 год. И опять же: «тогда Ахмылова рать была». Это уж точно, это изузтная, нерасторжимая связь памяти — именно тогда! Тревога, растерянность, возможное бегство, ужас едва не свершившегося разоренья града Ростова и — роды. Именно тогда! А это — 1322 год.

Но Сергей постригся двадцати трех лет и монашествовал пятьдесят пять... А почему пятьдесят пять? Да очень просто: $78 - 23 = 55$. А ежели две эти цифры — 23 и 55 — опять же взяты простым математическим расчетом? В некоторых житиях, разысканных историком Тихомировым, есть свидетельства, что Сергей постригся двадцати лет и прожил 70, а не 78 лет.

Наконец, нельзя ли допустить и простой ошибки писца (может быть, и самого Пахомия Серб!), который слово «семидесяти», написанное буквами («о» под титлом¹ и «и»), принял за «78-ми», ибо буква «и» под титлом и означает «восемь»?

Будем же больше верить предметной силе памяти, чем отвлеченному числу, появившемуся, повторим, неясно как и разноречащему с фактологическими указаниями и очевидцев.

Почему же, однако, даже отказываясь от 1314 года и сдвигая дату рождения Сергея к более позднему времени, ученые все же избегают называть 1322 год, год Ахмыловой рати? Всех, по-видимому, останавливает тут вторая «опорная» дата — 1340 год, год начала наместничества Алексия, год, после коего, по утверждению историков, он уже не мог бы познакомиться со Стефаном.

Однако вот перед нами исчерпывающее исследование С. Б. Веселовского «Землевладение митрополичьего дома». Автор устанавливает, что земли митрополитам русским были даны в основном во время правления Феогноста и Алексия и что земли располагались как раз под Москвой. (Главный массив — Селецкая волость, управлять которой из Владимира было бы затруднительно.) Знаем мы также, что, уже став митрополитом, Алексий все равно проживал то в Москве, то в Переяславле. Знаем

¹ *Титло* — в средневековой письменности надстрочный знак над сокращенно написанным словом или над буквой, обозначающей цифру (число). В старославянском языке, к примеру, буква А (азъ) обозначала звук [а], под титлом — цифру «1», буква Д (добро) — звук [д], под титлом — цифру «4», буква О (опъ) — звук [о], под титлом — число «70» и т. д.

и то, что в последние годы своей жизни Калита строит каменный храм в Богоявленском монастыре, а в самом кремле воздвигает как бы подворье того же Богоявленского монастыря. Нетрудно понять, что то и другое делалось не просто так и не в память преждебывшего пребывания Алексия, а имело смысл именно потому, что, и став наместником и будучи митрополитом, Алексий по-прежнему продолжал большую часть времени находиться в Москве. А находясь в Москве, Алексею естественно было жить в «своем» монастыре Богоявления и... петь в хоре на своем обычном месте! (В церковных хорах незазорно было петь в ту пору и великим князьям, тем паче — церковным иерархам. Не лишне напомнить, что благочестивый Алексий Первый также любил петь в церковном хоре, будучи тем не менее патриархом всея Руси!) И значит, этот предел, 1340 год, отпадает сам собою. И знакомство Стефана с Алексием могло состояться позже. Да и легче было всесильному наместнику митрополита рекомендовать Стефана в игумены Богоявленского монастыря и в духовники великого князя!

Примем же за истину еще одну описательную дату жития, а именно то, что Сергей постриг своего племянника в возрасте десяти-двенадцати лет, то есть что Стефан пошел в монахи после 1342 года, а Варфоломей — на двадцать третьем году и постригся в лето 1345-е, каковую дату надо считать одновременно и датой основания Троице-Сергиевой лавры. И все становится на свои места. Отпадает необходимость нагромождать в единый, 1340 год массу событий (смерть родителей и уход в монастырь обоих братьев, что, кстати, противоречит самому житию!), отпадают и многие другие натяжки и недоумения...

Почему я пишу об этом, да еще не в послесловии, а в самом начале своей книги? Для жизни духа, для «высокой» биографии Сергея эта разница в несколько лет действительно не важна. Но для нас, земных, и для земной канвы событий далекого прошлого это все-таки нужно установить, ибо прах, к которому подходит и поныне долгая вереница верующих, чтобы через стекло прикоснуться к мощам святого, — прах этот был живым земным человеком, и жил он среди нас, прочих, среди земных и грешных людей, и пишем мы здесь не небывшее, а бывшее, и должно, и приходит нам выяснять всю эту мелкоту земного, ныне уже далекого от нас бытия.

Итак, четырнадцатый век, 1322 год. Позади по крайней мере двукратное разорение Ростовской земли в московско-тверских бранях; гибель Михаила Ярославича Тверского в Орде, глады и моровые поветрия; краткое и весьма тяжкое для Русской земли княжение Юрия Московского... И вот Ростов. Большой каменный собор (слегка перестроенный, он и поныне стоит в Ростове, на площади перед кремлем, удивляя и поднеся статью и размахом архитектурного замысла), древний собор, воздвигнутый еще до татарского разорения, в годы наивысшего величия Ростовской земли, когда она еще дерзала стать во главе Руси Владимирской. Но — не сбылось. Не сотворилось. Капризный извив событий отбросил древний град со столбовой дороги истории. И уже началось медленное угасание Ростова, но все еще многолюден, и славен ученостью, и велик древний город, и все еще каменное узорочье (позже сбитое) обвивает лентой стены собора: и львы, и грифоны, и крылатые херувимы, и перевить каменной рези, и узорчатые паникадила и хоросы украшают собор; и краснокирпичный дворец князя Константина (ныне исчезнувший без следа) супротив собора, невдали от озерной шири, все еще вздымается островерхими чешуйчатыми кровлями; и храмы, и монастыри, и море бревенчатых хором в резьбе и росписи; и шум, и кишение толпы, и крики зазывал в рядах торговых...

Так вот, в 1322 году, или, вернее, в самом конце 1321-го, незадолго до Ахмыловой рати, в ростовском соборе, во время литургии, произошло событие (позже занесенное в жития как чудо), значительно повлиявшее на будущую судьбу еще не рожденного отрока Варфоломея. С него, с этого события, мы и начнем наш рассказ.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Однако, чтобы объяснить и саму ту «Ахмылову рать», как и злключения родителей будущего Сергия, боярина Кирилла и его жены Марии, должны мы отступить назад во времени, и намного отступить, поболее чем за столетие, в прежде бывшую судьбу Ростовской земли, судьбу, которая как-то все не составлялась да не составлялась, да так и не состоялась совсем.

А град Ростов Великий был между тем древнейшим градом Залесья, всей этой огромной, холмистой, утонувшей в лесах и еще очень и очень необжитой «украины», которую позже на-

зовут Залесской, или Суздальской, Русью, а еще спустя — Владимирским великим княжеством. Но еще не было ни Владимира, ни Суздаля, и не хлынули еще с юга новые насельники, распахавшие Ополе и наставившие городов по крутоярам рек, а Ростов Великий уже стоял — как Киев, как Полоцк, как Новгород, и был прозван «великим» не просто так, не красного слова ради и не из пустой выхвалы — великим и был. И епископия учредилась ростовская, и была она старейшей и паче других уважаемой в Залесской земле, и храмы воздвигнулись, и мудрость книжная процвела, и православная вера в жестокой борьбе с языческим идолослужением паче всего воссияла именно здесь. (Сказывают и донныне, как идол языческого бога Велеса, сотворенный из камня многоцветного, уходил, в грозе и буре, от дворца Константинова на окраину города, в Велесов конец. Великая гроза зажгла град и капище древнего бога, он же сам вышел из капища и пошел по берегу. Пылали и рушились хоромы окрест, а озеро кипело у его ног, выбрасывая на берег снулую рыбу.) И как некогда в мать городов русских, в Киев, стремились ученые люди, взыскующие света книжной мудрости, так ныне в Ростов ехали и шли книгочеи, жаждавшие света знаний... Но как-то пошло потом, что возник и усилился хлебный Суздаль, а там и Владимир на Клязьме, основанный Владимиром Мономахом во имя свое, и сей град, младший пригород Ростову, скоро обогнал родителя своего, и уже и стол великокняжеский перешел туда, и стала меркнуть слава древнейшего города...

Старший сын князя Всеволода Большое Гнездо, Константин, восхотел воротить Ростову главенство в земле Владимирской. Сел тут на княжение, не подчинясь воле родителя своего, а в 1216 году, в грозной сече на Липице наголову разбив соединенные рати младших братьев, вернул отторгнутый у него по прихоти престарелого отца великий стол.

И что бы тут не процветать вновь Ростову? Увы! Всего через два года Константин умер, не успев ни укрепить отчину, ни сломить волю доброхотов брата Юрия, ни вырастить юных наследников своих, коих оставил почти детьми, заповедав им ходить в воле дяди и своего ворога, Юрия... Так и вновь не состроилась судьба града Ростова.

Был Константин высок, породист, храбр, и талантлив к рати, и многомыслен. О библиотеке его, огромной, поражающей во-

ображение — в тысячу книг! — поминали, слагали легенды по всей Руси еще долгие годы спустя, даже и после Батыева погрома...

Теперь, когда прошли века и угасли былые страсти, спросим все же: почему Константин не исполнил воли родительской, не сел на столе во Владимире и тем обрек свой род на медленное угасание, почему он так упорно держался Ростова, главенствующая судьба коего уже была позади, в невозвратном, хотя и славном далеке далеко прошедших лет? Не соблазнило ли князья-книжочья обаяние древней культуры, не книжною ли мечтою вдохновился он, философ и воин, упорно цепляясь за ветшающий ростовский стол?

Уходящая культура, даже и потеряв жизненную силу свою, еще долго хранит очарование былой красоты, пленяет тайной прошлого величия своего, словно гаснущий свет солнца, что в последний, предсмертный миг горячим багрецом зажигает рудовые бревна костров, делает огненными бока гнедых коней и пронзительно-зеленой траву на склонах... Но солнце закатит за оком, и все земное потонет в сумраке ночи, и очарование гаснущей культуры пройдет, как вечерний солнечный свет, раздробясь в скрытые под наносной землею мертвые черепки, навсегда лишенные духа живого.

Старший сын Константина, Василько, доблестно и бесцельно погиб в споре с Ордой, защищая безнадежное дело дяди Юрия. (Бесцельно, потому что даже родовой город Василька, Ростов, предпочел без боя сдаться победителю.) Схваченный татарами у Шеренского леса Василько из гордости не восхотел поклониться Батыю и был повешен за ребро, тут и погиб, смертную чашу испив. А был он красив, храбр, хлебосолен, ясен и грозен взором, и женат был, казалось, счастливо: на дочери всесильного тогда Михаила Черниговского (позже убитого в Орде и причтенного к лику святых ради мученической кончины своей). Василько и сына успел оставить по себе, и сыну оставил Ростов, по счастью не разоренный татарами.

Почто бы и тут, даже и уступив граду Владимиру, даже и после Батыева нахождения, не подняться Ростовской земле? Лежала она — тот удел, что заповедал и передал детям князь Константин, — на Волге, от Углича до Ярославля, и, переплеснувши в Заволжье, далеко уходила на Север, к самому Белоозеру (и град тот древний также принадлежал Ростову), в места

глухие, необжитые, богатые зверем, рыбой и всяким иным обилием. Было куда расти, было где и укрыться от иных гостей непрошенных, было куда ходить дружинам, было где и пахать нивы, сеять хлеб, ставить села, рубить города. Да ведь именно туда, к северу, шагнула Русь, прежде чем, укрепившись в череде веков, обратным всплеском излиться в татарские степи! Но ни князья, ни бояре ростовские не нашли в себе сил для многотрудного и долгого деяния — освоения новых земель на Севере. (Так же, как не нашли в себе сил для защиты града Ростова от нахождения Батыева.)

Дети Константина поделили отцову отчину на три части. Васильку достался Ростов с Белоозером, Всеволоду — Ярославль, младшему, Владимиру, — Углич. Углич позднее, за бездетностью своего князя, воротился в волость Ростовскую. Иная судьба постигла Ярославль. Тут тоже, на детях Всеволода, прекратилось мужское потомство, и Ярославский удел должен был возвратиться Ростову. Оставалась там властная вдова Всеволода, Марина, дочь Олега Святославича Курского, княгиня древних кровей, гордая родословием и прежнею славою, с трехлетнею внучкой на руках, Марией, Машей. И Машину ли судьбу, судьбу ли земли решая, — а паче всего вопреки ближайшей ростовской родне, отыскала Марина Ольговна стороннего жениха для подросшей Маши, смоленского князька, Федора Ростиславича Черного, молодого красавца и честолюбца, отодвинутого братьями на маленький Можайский удел. Ему и досталась девочка-жена с городом Ярославлем в придачу.

О чем думала, на что надеялась престарелая Марина? Позже (слишком поздно уже!) пыталась отделаться она от смоленского зятя, затворив перед ним ворота Ярославля и объявив князем сына Маши и Федора, отрока Михаила... Тщетно! За плечами Федора Черного уже стояла неодолимая помощь Орды. Прожив несколько лет в Сарае, он успел очаровать дочь самого хана ордынского, Менгу-Тимура, и женился на ней, как осторожно сообщает предание: «после смерти первой жены — Маши». Кончилось тем, чем и должно было закончиться. Федор, как кукушонок в чужом гнезде, уморив сына-соперника и приведя татарскую жену, начал свой, новый род ярославских князей, навек оторвав богатый Ярославль от обширного Ростовского княжения...

Ростовский дом, до смерти своей в 1277 году, вела вдова Василька, Мария Михайловна, дочь замученного черниговского князя. Изящная, подсушенная временем, «вожеватая», с древнею родословной, еще более породистая, чем Марина Ольговна, гордая мученическим ореолом отца (а был Михаил при жизни и лих, и нравен, и тяжек зело!). Все силы потратила она, чтобы поддерживать внешнее благолепие и блеск ростовского княжеского дома. А сын, Борис Василькович, мягкий, изящный и слабый духом, навек испуганный убийством деда в Орде, на только-то и годился, чтобы радушно и хлебосольно принимать знатных гостей. Второй сын, Глеб, был посажен на Белоозере. Оба умерли, не свершив ничего значительного и оставив внуков-двоюродников: Дмитрия с Константином Борисовичей и Михаила Глебовича.

Дмитрий ездил по городу на сером коне, леденя глазами встречных смердов, и ждал своего часа. Порода сказалась и тут, в безумной и хрупкой гордости, в презрении к горожанам, «черной кости», в бессилии, прикрываемом высокомерием, в трусости, когда доходило до настоящего дела...

Умерла Мария Михайловна, и братья тут же рассорились. Дмитрий Борисович в 1279 году поотнимал у Михаила Глебовича села «со грехом и неправдой великою», а в 1281 году пришел черед и Константину бежать и жаловаться на старшего брата великому князю Дмитрию. Разномыслие, как видно, разедало и боярство ростовское. Некому было прекратить свары своих князей, некому властно призвать к единому, «соборному» делу...

В 1285 году умер, не оставя потомства, углицкий князь Роман. Углич воротился в Ростовскую волость. И что же? Дмитрий Борисович тотчас затеял дележ волости по жребию (!) с родным братом Константином, и — по жребию — потерял Ростов, а потом долго и трудно возвращал его себе. Словно бы сам хлопотал о скорейшем умалении древнего ростовского дома!

В этих дележах, переделах и спорах, во взаимной грызне да в метаниях между двумя сыновьями Александра Невского, тягавшимися о великом столе, прошла-прокатила впустую вся его жизнь. Старший внук Василька, он умер в 1294 году, не оставил даже и сына.

Константин пережил его на тринадцать лет, проявив все пороки старшего брата. Сев на стол, он тотчас рассорился с владыкой и тоже продолжал метаться, заигрывать с Ордой, Москвою и Тверью, постоянно попадая впросак. Он умер в 1307 году, оставив сына Василия, а Василий Константинович скончался в 1316-м, в свою очередь оставя двух сыновей, Федора и Константина, вскоре поделивших даже и город Ростов на две части... Так шло умаление Ростовской земли.

Видимо, была в древней крови черниговских и курских Рюриковичей какая-то отравка, что-то помешавшее им жить и держаться друг за друга. Дети Даниила Московского ссорились до ярости и отъездов в Тверь, а отчины не делили, наоборот, деятельно приращивали совокупные земли Москвы.

На споры в своей семье силы уходят те же! Если бы Дмитрий Борисович, вместо того чтобы «со грехом и неправдою» отнимать села у брата, занялся освоением северных палестин (куда шли и шли насельники из Ростовской волости!), подчинил себе ту же Вологодчину, ту же Вагу с Кокшеньгой, опередив и потеснив новгородцев (а люди шли именно туда, и даже появлялись там, на Ваге и на Кокшеньге, «ростовские» волости!), неизвестно еще куда и как поворотило бы судьбу Ростовской земли!

Но так вот всегда и наступает упадок. Со слабости. С потери предприимчивости. Со ссор между своими. С распада, ослабления кровных связей, когда в единой доселе семье начинаются свары, дележ накопленного предками вместо новых приращений, взаимное нелюбие вместо взаимопомощи... И вот свои становятся дальше, чем чужие, и уже оборотистые дельцы из иных земель облепляют позабывшего о подданных своих князя, уже братья вручают добро черт знает кому, лишь бы не досталось своим.

Единство — семьи, сообщества, племени — вот то, что держит и соединяет и пасет языки и народы. Единство древних монгол позволило им с ничтожными силами покорить едва не весь мир. И не потому была спасена Европа, что ее закрыла собой «издыхающая Россия», или горы Карпатские, или мужество горцев, а потому, что двоюродные братья Батия насмерть рассорились с ним и увели свои тумены назад, в монгольскую степь. И не варвары с громом опрокинули Римскую империю, а сами последние римляне в дикой междоусобной борьбе вырезали друг друга. Подобно тому и Византия погибла в спорах и раздорах своих василевсов, не оставивших сил для обороны от внешнего врага.

Да что там Византия и римляне! Сравни, в простой крестьянской семье, как дружно, помочью, строят дом своему родичу, пашут поле или секут лес и как в иную пору озлобленные родичи делят половины и четверти того дома, судятся за колодец и три яблони в саду, растрачивая при этом талант и силы, коих хватило бы с избытком на возведение заново не одной, а трех подобных же усадеб!

Сами себя! Всегда сами себя! Народ, единый в массе своей, неодолим. Или уж навалит вражьей силы тысячу на одного, да и тогда единый в себе народ найдет силы выстоять и устоять. Не в таком ли числе: «един с тысячью и два с тьмою» — схватывались древние хунны с Китаем и побеждали!

Уважают ли, чтят ли дети отца и мать своих? Дружно ли собираются родичи на помочь своему кровнику? Продолжают ли потомки дело отцов? Продолжают, помогают, держат — тогда жив народ и все сущее в нем. А с малого, с развала семьи, распадается и племя, породившее эту семью и людей этих...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Виноват ли был боярин Кирилл, что в тщетном стремлении поддержать ростовскую княжескую династию он рушился вместе с нею? Что, упрямо спасая Константина Борисовича, не считал имения своего, что, приняв буквально на руки Василия Константиновича, он видел от того один лишь разор и неблагодарность. Не слушая своего боярина, Василий Константинович переметнулся было от Михайлы Тверского к Юрию Московскому, и приведенные Юрием послы ордынские, Казанчий с Сабанчием, жестоко пограбили Ростов, а с Ростовом заодно и загородное имение Кирилла.

Василий Константинович умер на двадцать пятом году жизни от морской болезни, запутав донельзя свои и Кирилловы дела, и тут на ростовский стол сел углецкий двоюродник, Юрий Александрович, пятнадцатилетний мальчик, и именно при нем в 1318 году явился «посол лют именем Кочка», ограбил Ростов, разорил и ободрал Успенскую церковь, пожег монастыри и окрестные села, спалив дотла усадьбу Кирилла, из которой татары подчистую вывезли все добро и скот, оставив одно погорелое место.

Мы сейчас почти не понимаем, что значили богатство и богатый человек в те века, ибо о богатстве судим по условиям дня нынешнего, когда деньги приходят в виде зарплаты или лежат на книжке, то есть поддержаны и обеспечены могущественным аппаратом государства, устройением, начала и концы коего неизвестны для нас, так, будто уже оно и само по себе существует. В лучшем случае мы представляем богатство по условиям дворянской жизни XIX столетия, той, с картами, псовой охотой и проматыванием имений... И великая истина, что богатство создается трудом и что чем больше человек работает, тем он богаче, и наоборот, чем он больше имеет богатства, добра, «собины», тем больше обязан работать, чтобы его сохранить, — великая эта истина, верная в глубинной сути своей, несмотря на все иллюзорные ее искажения, для всех времен и народов, почти недоступна уже нашему сознанию. К слову сказать, получив от Екатерины указ «о вольности дворянства», то есть о праве жить, не служа в армии, а значит, не работая, дворяне наши, несмотря на отчаянные усилия лучших своих представителей, за полвека прожили, промотали и утеряти все нажитое их предками за шесть предшествующих столетий, и реформа 1861 года, по сути, покончила с дворянством, разрушив саму систему поместий, «земель со крестьяны»... Ну а как купеческие сынки умели за считанные годы спускать миллионные отцовские состояния, мы знаем из литературы того же XIX века достаточно хорошо.

В те же, далекие от нас века, когда всеохватывающей бюрократической государственной системы еще вообще не существовало, в те века отнюдь не просто было быть богатым и удерживать и передавать детям богатства свои.

Боярин Кирилл был «нарочит», великий муж в Ростовской земле. Но что это значило? В чем состояло оно, это богатство? В родовых именьях (напомним, без крепостного права), в оружии, стадах, портах и прочей «рухляди», в дружине, наконец. Но за стадами нужен уход, оружие имеет силу только в руках ратников, а ратных, дружину, нужно кормить, и кормить хорошо. Чем значительнее был боярин, тем большее число зависимых от него людей кормилось от его стола. И выгнать, уменьшить число их было подчас просто невозможно. А служба князю? Она заключалась в делах посольских (а ездили за свой кошт), в военной помощи (а приводили своих ратных и оборужали их сами),

ДМИТРИЙ МИХАЙЛОВИЧ БАЛАШОВ

ПОХВАЛА СЕРГИЮ

Ответственный редактор Анна Щеникова-Архарова

Художественный редактор Вадим Пожидаев-мл.

Технический редактор Мария Антипова

Компьютерная верстка Ирины Варламовой

Корректоры Дмитрий Капитонов, Ульяна Смирнова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 11.06.2025.

Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 4000 экз.

Усл. печ. л. 56,84. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,	АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.,
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
191024, Санкт-Петербург,	191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12-14, лит. А	Херсон көшесі, 12-14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-ARL-38626-01-R